

**«ВВЕДЕНИЕ ПОГОН СЕЙЧАС НЕЖЕЛАТЕЛЬНО...»:
ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ПОГОН
В СИБИРСКОЙ АРМИИ ***

Публикуемый документ содержит важнейшую информацию о том, почему после свержения в Сибири летом 1918 г. власти большевиков перед командованием вооруженных сил контрреволюции встал вопрос о погонах, как понимал и какое значение придавал данной проблеме высший командно-штабной состав Сибирской армии, как и почему он намеревался решать вопрос о погонах в середине августа 1918 г.

Ключевые слова: офицеры, солдаты, народ, дисциплина, погоны, форма.

Основным внешним признаком, с помощью которого военнослужащие легко идентифицируются и тем самым выделяются из окружающей социальной среды, является их платье. Форменная одежда военнослужащих строго регламентирована и унифицирована, а отклонение от нее обычно карается дисциплинарным наказанием. В XIX в. одним из устойчивых атрибутов военной униформы русской армии стали наплечные знаки различия – погоны. Долгое время они выполняли две совершенно утилитарные функции: служили определителями воинского звания носителя погон, а также фиксировали принадлежность военнослужащего к роду войск и к определенной воинской части.

Но постепенно внешний вид погон, предназначенных для офицеров и солдат, стал все больше различаться и в результате начал играть серьезную социально-психологическую роль. С одной стороны, золотые офицерские погоны послужили средством консолидации офицерского корпуса и оформления элитарной офицерской корпорации; с другой – они явились инструмен-

том обособления офицеров от армейской массы. По этой причине в начале XX в. офицеры и нижние чины русской армии по-разному относились к погонам. Если первые воспринимали их в качестве элемента формы, который составлял их гордость, то солдаты и матросы видели в погонах, особенно в золотых офицерских, символ социального неравенства, который их постоянно раздражал и даже озлоблял.

Вполне закономерно, что после свержения царского самодержавия в русской армии и на флоте произошла так называемая «погонная революция», в ходе которой эти уставные знаки различия были сначала явочным, а потом и законодательным порядком частично отменены. Завершили «погонную революцию» в ноябре 1917 – январе 1918 г. пришедшие к власти большевики, которые упразднили все чины, звания и связанные с ними внешние знаки отличия, включая погоны.

После свержения Советской власти летом 1918 г. на значительной части территории восточной России перед командованием

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 33, направление № 2 «Модернизация и ее влияние на российское общество», позиция 33.2.1.

антибольшевистских вооруженных сил, состоявших в своей значительной массе из офицеров-добровольцев, встал вопрос об отношении к погонам. Публикуемый ниже документ дает достаточно полное представление о том, почему этот вопрос возник, как понимал и какое значение придавал ему высший командно-штабной состав Сибирской армии, как и почему именно так, а не иначе он намеревался решать вопрос о погонах в середине августа 1918 г.

**Отчет заседания комиссии
по вопросу о введении погон
в Сибирской армии**

[г. Омск] [14 августа 1918 г.]

Заседание открывается в 11 часов 13 минут 14/VIII 1918 года

Председательствует генерал-майор Менде¹.

Члены [комиссии: генерал-майор] Иванов², полковник³ Белов⁴, [полковник] Бобрик⁵, подполковник Васильев⁶, [подполковник] Василенко⁷.

Секретарь [–] штабс-капитан Фризель⁸.

Генерал-майор Менде: Командующему армией представлялся проект дать вместе с боковым знаком погоны, одинаковые для всех, но он этот проект забраковал. Помоему, в народе нет ненависти к погонам, а только к шифровке. Так, например, в Петрограде срывание погон началось с солдат, а не с офицеров, и вызвано было тем, чтобы нельзя было узнать, к какой части принадлежат хулиганствующие солдаты. Бояться агитации на этой почве можно только тогда, если у нас не будет дисциплины. Если же дисциплина будет, то нечего бояться агитации и [можно] ввести старые погоны.

Полковник Белов: Дисциплина, безусловно, должна быть, но не должно быть так называемого цукания, бессмысленной подтяжки. Голоса массы мы сейчас не слышим, но этот голос есть, и про него не надо забывать. Что мы видим теперь: молодежь надевает погоны и не желает носить «таблеток»⁹, т. к. таковые носит и милиция. Вспомните разрешение носить сабли в пехоте. Это вызвало то, что все кавалеристы тотчас перестали их носить. По-моему, если надеть милиции погоны, то офицеры будут противниками их. До мобилизации во всяком случае не следует вводить погоны. Введение погон сейчас преждевременно, не вы-

зывается потребностью момента. Отличить чины и части войск можно другим способом. Когда пройдет хорошо мобилизация и народ увидит, что это не возврат к старому, а требование момента. Когда мы увидим, что кадр в частях подобран хорошо. Народ поймет, что дисциплина устанавливается разумная, нет особой касты, то тогда дело будет другое. Если же погоны и должны быть, то у всех одинаковые, т. к. это будет отделять нашу военную товарищескую среду (конечно, товарищество понимать не по-красноармейски) от прочих элементов, носящих одежду защитного цвета. Еще раз повторяю, что должна быть полная сознательная дисциплина, но не должно быть немецкой муштры. Она не в характере русского народа. Не должно быть деления на касты, но дисциплина должна быть. Народ против подтяжки, которая была, и поэтому я смотрю так: требовать исполнения надо, но излишнюю подтяжку следует устранить. Это нисколько не уменьшит нашей внутренней дисциплины, а, наоборот, создаст спайку.

Генерал-майор Иванов: Раньше у нас в России было «быдло» и «господа», поэтому везде, как на военной, так и на гражданской службе, проводилось такое разделение. В связи с этим [существовала] ненависть рабов к господам. Ясно поэтому, что народ против «благородий», это отрывка крепостничества. Погоны для офицера были отличием «благородного» от прочих, а для солдат они являлись «бубновым тузом» арестанта. У солдата была ответственность, были обязанности, но не было прав. Номер на погоне [–] была вывеска, благодаря которой выше стоящие тянули¹⁰. Отсюда начинается негодование народных масс против погон. В офицерской же среде благодаря воспитанию в кадетских корпусах, где им с малолетства вбивали в голову [понятие] о чести мундира, погон, которые они будут носить, создался совершенно ложный культ погон. Не заплатить во время карточного долга считалось оскорблением для полка, а не заплатить прачке, у которой может быть восемь человек детей – ничего. И вот когда столкнулись ложное воспитание офицера с[о] справедливым негодованием народных масс, получилось то, что мы имели возможность наблюдать. Надевание погон в народе вызовет негодование, а снятие, благодаря ложности представления об офицер-

ской чести, наденет венец мученичества на последних (по их мнению). Сейчас победа на стороне офицерства. В Сибири не надели погон, в других же местах [их] надевают. Вопрос о погонах важнейший, его надо решить.

Я согласен с Петром Петровичем [Беловым], что погоны не должны быть разные для офицеров и солдат, а одинаковые. Но они должны быть, т. к. иначе будет пустое место, а природа пустого места не потерпит. Вместо того, чтобы ждать пока это пустое место заполнится различными суррогатами, лучше заполнить его сейчас, вперед. Предлагаю погоны для всех одинаковые, как для офицеров, так и для солдат. Узенькая полоска материи с обозначением части.

Полковник Бобрик: По-моему, заполнение пустого места – это недоразумение. Это только привычка. Почему мы кусочками материи не заполнили другие пустые места? Сейчас не вижу достаточно оснований для надевания хотя бы и одинаковых погон. Кроме недовольства в народных массах, погоны нам сейчас ничего не дадут.

Генерал-майор Иванов: Но ведь находятся такие экспериментаторы, как Анненков¹¹, который приказывает надеть своему отряду погоны, и к нему идет офицерство. У нашего же народа вообще есть ненависть к форме. С этой ненавистью нам нужно бороться. Нам придется бороться с[о] стремлением народа перейти опять в первобытное состояние. Придется бороться с хулиганством, но не с серьезным отношением к этой полоске (погон).

Полковник Бобрик: Если мы сейчас отдадим распоряжение надеть таблетки и запретим заполнять «пустое место», то гораздо важнее заставить не заполнять «пустого места». Необходимо показать твердость власти. Если подсчитать, то большинство [военных], пожалуй, будет против заполнения того «пустого места». Погоны сейчас надевают офицеры определенной категории. Все же серьезно [и] вдумчиво относящиеся [к событиям] офицерство, которое в большинстве на фронте, не надевает погон. Даже наоборот, в Иркутске, например, заставляют самочинно надевших погоны снимать их. По-моему, следует обратить самое серьезное внимание на самочинно надевающих погоны и не останавливаться даже перед расформированием частей, продолжающих носить их.

Генерал-майор Иванов: Для меня не ясно, меньшинство это или большинство [военных]. Пример – Уральское казачье войско. Объявление не носить погоны мне кажется не обоснованным, т. к. я не вижу, большинство или меньшинство желает их носить.

Полковник Бобрик: Немцы также отдали в оккупированных областях приказ надеть [русским] офицерам погоны. Но в Киеве, например, надело, по-моему, не более 18 человек. Очевидно, большинство считало для себя почему-либо неудобным надеть погоны.

Генерал-майор Иванов: Но там офицерство могло не надеть погон[ы], т. к. они давались немцами.

Генерал-майор Менде: При изготовлении этих боковых знаков почти все офицеры выражали недовольство. А если мы будем обращать такое внимание на народную массу, то, по-моему, она будет настроена и против этих боковых знаков, т. к. на них есть галунные отличия. Мне кажется, в народе ненависти против погон нет, а есть недовольство формой, отличающей начальство.

Генерал-майор Иванов: Против боковых знаков, по-моему, не будет особого недовольства. Не надо только делать резких отличий, не надо разделять армию на белую и черную кость.

Полковник Бобрик: Если будет решение ввести погоны, то я предложил [бы] сделать это после мобилизации. Ввести погоны в регулярной армии, а не в добровольческой. Но лучше совсем не вводить погон[ы].

Подполковник Василенко: Здесь мы видим очень простую психологию народа. Была его воля [–] сдирал погоны, т. к. не мог сам достичь этого. Теперь наша воля – мы наденем [погоны] и этим возбудим народ против себя. Я против погон.

Генерал-майор Иванов: Я не разделяю взгляда, что это простая психология [–] была воля народа, и он сдирал [погоны]. По-моему, не сами погоны возбуждают, а боязнь возврата к старому. Хотя сдвиг в народе к порядку есть. Вопрос о погонах будет стоять остро только тогда, когда на этом будут играть демагоги. Но отношение к офицеру уже несколько другое теперь. Даже большевики признали, что офицер [–] это квалифицированный рабочий.

Полковник Белов: Беда в том, что на этом не только будут играть, но уже играли демагоги. И глубокий след этой игры в народе

остался. Помните крики их о золотопогонниках? Народ в общем понимает необходимость защищать родину, но народ против военщины, против бессмысленной игры в солдатики. С этим считаться приходится. Поэтому я против резких отличий между офицерами и солдатами. Не следует давать материала для мелких дразг. Следует требовать строгого исполнения приказаний и всех служебных обязанностей, но не надо придавать излишнего значения обрядам. Нужна дисциплина прежде всего внутренняя. Поэтому, по-моему, нет основания под[д]а[ва]ться чувству покрасоваться в погонах.

Генерал-майор Иванов: Солдаты вообще с яростью набросились на проявление дисциплины, а движение против погон [–] частный случай.

Подполковник Васильев: За это время мне приходилось часто ездить в вагонах третьего и четвертого класса, и из разговоров с народом я вынес впечатление, что он против погон.

Полковник Белов: Я не согласен, что ненависть к погонам – частный случай. Нельзя, по-моему, ставить в одну плоскость безобразия отдельных пьяных толп с настойчивым желанием широких, даже благонамеренных, слоев народа снятием погон уничтожить разделение армии на касты.

Генерал-майор Иванов: Итак, я предлагаю ввести в нашей армии погоны защитного цвета, для всех одинаковые.

Генерал-майор Менде: Считаю, что подлежащий обсуждению вопрос освещен с достаточной ясностью, ставлю его на голосование. Кто против введения погон и кто за? Все, кроме одного, высказались против.

Постановление комиссии по вопросу о введении погон¹².

Согласно приказанию командующего Сибирской армией, собравшись 14-го августа 1918 года в 11 час[ов] 13 мин[ут], комиссия по вопросу о введении в Сибирской армии погон, рассмотрев с достаточной полнотой и ясностью этот вопрос, постановила:

введение погон сейчас нежелательно, так как это вызовет недовольство в народных массах, которое в связи с предстоящей мобилизацией может вылиться в ряд эксцессов и этим нарушить начинающиеся единение и оздоровление народа.

Секретарь – штабс-капитан Фризель.

Российский государственный военный архив. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 7. Л. 24–26. Машинописная копия.

Примечания

¹ Менде Михаил Константинович (16 августа 1861 – после 1937) – из обрусевших немцев. В 1879 г. окончил 3-е военное Александровское училище, в 1887 г. – Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду, затем – Александровскую военно-юридическую академию по первому разряду. Генерал-майор с 1913 г., генерал-лейтенант с 20 апреля 1919 г.

Проходил службу в лейб-гвардии Волынском полку, в дальнейшем – на военно-судебных должностях: помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда, помощник начальника отделения Главного военно-судного управления, начальник отделения Главного военно-судного управления. Во время Мировой войны занимал должность военного судьи Минского и Петроградского военно-окружных судов на театре военных действий. С 1917 г. – военный прокурор Омского военно-окружного суда. Активный участник сопротивления установлению Советской власти в Омске, за что в ноябре 1917 г. был предан суду революционного трибунала. С 1 июня 1918 г. являлся главным начальником снабжения Западно-Сибирской отдельной армии, с 9 июня – прокурором Западно-Сибирского военного округа, с 22 июля – главным начальником Западно-Сибирского военного округа. В августе 1918 г. исполнял также должность управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства. С 19 декабря 1918 г. исполнял должность председателя соединенного присутствия главного военного и морского судов.

В 1920 – начале 1930-х гг. жил в Петрограде (Ленинграде) по чужой фамилией. Осенью 1932 г. арестован органами ОГПУ, 29 декабря приговорен к пяти годам ссылки и выслан в Северный край.

² Иванов (Иванов-Ринов) Павел Павлович (26 июля 1869, Семипалатинская область – после 1927) – из семьи офицера, дворянин; русский. В 1888 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1890 г. – Павловское военное училище (Санкт-Петербург). Генерал-майор со 2 июля 1918 г., генерал-лейтенант с 9 августа 1919 г.

Служил на русско-китайской границе, затем занимал военно-административные должности в Туркестане. В начале Мировой войны в чине подполковника служил помощником командира 2-го Кубанского полка, за боевые отличия был произведен в полковники. В мае 1916 г. был назначен Семиреченским вице-губернатором, руководил карательным отрядом, подавлявшим восстание сартов в Джизакском уезде, исполнял должность военного губернатора Ферганы.

После Февральской революции был смещен с должности и назначен начальником Отдельной Сибирской казачьей бригады на Кавказском фронте. С весны 1918 г. руководил антибольшевистским подпольем в Петропавловске и Омске. С 7 июня по 5 сентября 1918 г. командовал II Степным Сибирским армейским корпусом. 15 июля 1918 г. был избран войсковым атаманом Сибирского казачьего войска. С 6 сентября – командующий Сибирской армией и по совместительству (до 2 ноября) – управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 3 декабря 1918 г. назначен помощником Верховно-

го уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части с исполнением обязанностей командующего войсками Приамурского военного округа. С августа 1919 г. командовал на фронте Сибирским казачьим корпусом. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 12 сентября 1919 г. был награжден орденом Св. Георгия IV степени. В ноябре – декабре 1919 г. являлся помощником главнокомандующего Восточным фронтом.

В 1920–1922 гг. занимал штабные должности в войсках Г. М. Семенова, входил в правительство братьев Н. Д. и С. Д. Меркуловых. Затем находился в эмиграции в Корее и Китае, являлся одним из организаторов Восточного союза казаков и членом совета войсковых атаманов. Был завербован в качестве советского агента и после своего разоблачения в 1925 г. выехал в СССР.

³ Ошибка; правильно – генерал-майор.

⁴ Белов Петр Петрович (Виттекопф Ганс-Генрих Альфредович) (22 апреля 1881, Курляндская губерния – после 1945) – немец. Окончил частную классическую гимназию, в 1902 г. – Виленское юнкерское училище, в 1913 г. – Императорскую Николаевскую военную академию по первому разряду. Генерал-майор с 12 августа 1918 г.

Участник русско-японской и Мировой войн. Был награжден четырьмя орденами. В звании полковника 28 февраля 1918 г. уволен из армии. Активный участник свержения Советской власти в Сибири. Со 2 июня 1918 г. являлся начальником штаба Западно-Сибирского военного округа, с 13 июня 1918 г. – Западно-Сибирской отдельной армии, затем – Сибирской армии. С 13 ноября 1918 г. находился в резерве Ставки Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. В 1919 г. занимал штабные и командные должности, в том числе командующего Южной армией (май – сентябрь). Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 28 октября 1919 г. был назначен помощником военного министра по мобилизационно-организационной части и главным начальником по разгрузке Омска и Сибирской железной дороги. После поражения А. В. Колчака эмигрировал в Китай.

⁵ Бобрин Петр Александрович (25 апреля 1880 – ?) – русский. Окончил Симбирский кадетский корпус, в 1900 г. – Михайловское артиллерийское училище и Восточный институт. Генерал-майор с 18 сентября 1918 г.

В 1900–1910 гг. служил в Кронштадтской крепостной артиллерии, после чего в чине штабс-капитана был уволен в запас. Участник Мировой войны, с 1917 г. – подполковник. В конце 1917 – начале 1918 г. являлся одним из руководителей Сибирского военного комиссариата в Киеве, имевшего целью подчинить сформированные в Сибири воинские части Сибирскому правительству. Весной 1918 г. работал в антибольшевистском подполье Новониколаевска и Томска. С 31 мая 1918 до марта 1919 г. служил в штабах Западно-Сибирского военного округа, Западно-Сибирской отдельной армии и Омского военного округа в должности инспектора артиллерии. С начала апреля по сентябрь 1919 г. находился на фронте, где командовал 9-й Стерлитамакской дивизией горных стрелков и около месяца исполнял должность командира 5-го Стерлитамакского армейского корпуса. В первой половине ноября 1919 г. являлся помощником главного начальника по разгрузке Омска и Сибирской железной дороги. Участник Великого Сибир-

ского ледяного похода. С 1920 г. находился на Дальнем Востоке.

⁶ Васильев Александр – подполковник. Окончил Академию Генерального штаба. С 4 августа 1918 г. служил начальником общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии. В полковники произведен 17 сентября 1918 г. С 16 ноября 1918 г. – врид генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии.

⁷ Василенко Лев Данилович (1889 – ?) – русский. Окончил Чугуевское военное училище и Академию Генерального штаба. В 1917 г. имел звание капитана. Прибыл в Томск в середине мая 1918 г. в качестве сотрудиника начальника военного штаба Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства подполковника А. Н. Гришина-Алмазова. Являлся одним из руководителей Томской подпольной военной организации. После антибольшевистского переворота был командующим войсками Томского района; с 13 июня 1918 г. по 3 мая 1919 г. – начальник штаба II Степного Сибирского корпуса. Приказом по Сибирской армии от 20 июля 1918 г. за боевые отличия был произведен в подполковники, 22 сентября 1918 г. – в полковники. В 1920 г. служил военным руководителем Ачинского уездного военкомата, был арестован органами ВЧК и содержался в Томской губернской чеке, где дал подробные признательные показания о событиях 1918–1919 гг. в Сибири.

⁸ Фризель Александр – штабс-капитан, член партии эсеров. Участник антибольшевистского подполья в Сибири. С конца мая 1918 г. служил в штабе Сибирской армии. Приказом по Сибирской армии от 9 сентября 1918 г. произведен в капитаны.

⁹ Сленг: имеются в виду нарукавные знаки отличия.

¹⁰ Так в тексте. Смысл не ясен.

¹¹ Анненков Борис Владимирович (9 февраля 1889, Курская губерния – 24 августа 1927, Семипалатинск) – родился в офицерской семье; из потомственных дворян Новгородской губернии; русский. В 1906 г. окончил Одесский кадетский корпус, в 1908 г. – Александровское военное училище. Генерал-майор с 15 октября 1919 г.

Участник Мировой войны, во время которой служил в 4-м Сибирском казачьем полку, командовал «Отрядом особого назначения» («Партизанским отрядом») Сибирской казачьей дивизии. За боевые отличия был награжден Георгиевским оружием. С февраля 1918 г. командовал небольшим антибольшевистским партизанским отрядом, действовавшим в районе Омске. С конца мая 1918 г. во главе этого численно выросшего отряда участвовал в боях против советских войск к западу от Омска и на юге Урала. К концу августа отряд вырос до трех полков, артиллерийского дивизиона и нескольких вспомогательных подразделений. Через два месяца он был развернут в партизанскую дивизию. За ликвидацию «Черкаской обороны» в Семиречье приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 15 октября 1919 г. был награжден орденом Св. Георгия IV степени. С декабря 1919 г. командовал Отдельной Семиреченской армией, которая в начале 1920 г. под давлением частей Красной армии отступила на территорию Китая. В начале 1926 г. агентами ОГПУ похищен и вывезен в СССР. Двадцать пятого июня 1927 г. в Семипалатинске предстал перед выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР и был приговорен к высшей мере наказания.

¹² Текст постановления за подписями всех членов комиссии, кроме П. П. Иванова-Ринова, был представлен командующему Сибирской армией и управляющему военным министерством Временного Сибирского правительства Н. А. Гришину-Алмазову.

П. П. Иванов-Ринов сделал на документе такую приписку: «С мнением комиссии не согласен – пого-

ны нужны, но одинаковые для солдат и офицеров для помещения шифровки части.

Комкор Степного г[енерал]-м[айор] Иванов-Ринов».

Материал поступил в редколлегию 29.11.2012

D. G. Simonov, V. I. Shishkin

**«INTRODUCTION OF SHOULDER BOARDS IS NOW UNDESIRABLE...»:
COMMISSION MEETING ON THE ISSUE OF SHOULDER BOARDS INTRODUCTION
IN SIBERIAN ARMY**

The document being published contains very important information about why after overthrow of Bolshevik power in Siberia in summer 1918, the command of counterrevolution armed forces faced the problem of shoulder boards, how this problem was understood and assessed by the Command and General Staff of Siberian Army, how and why they intended to solve the problem of shoulder boards in mid-August 1918.

Keywords: officers, soldiery, commonalty, discipline, shoulder boards, uniform.